

Николай Байтов — ревизор

Владимир ТУЧКОВ

Сам он говорит о себе, что пишет истории о приключениях информации... В общем, писатель интересный, что в изрядной мере способствует непониманию его нашей критикой, которая описывает преимущественно типичные литературные явления.

Рассказы Байтова вполне можно сравнивать с перформансами, имеющими философскую подоплеку. Свеженький читатель, раскрыв книжку и погрузившись в первый рассказ «Детская смертность», сразу же попадает в густой послевоенный коммунальный быт, в интеллигентские кухонные дискуссии ради дискуссий. У героя — маленького мальчика — из всей этой говорильни откладывается в мозгах лишь одна фраза: «Детская смертность». Повзрослев, он пытается понять механизм ее внедрения в сознание — фразы, а не понятия. Тут автор делает некоторый рывок и приводит пару литературных ужасов на данную тему. А потом погружается (и увлакивает за собой ничего не подозревающего читателя) в поток хитроумных размышлений, оттолкнувшись от аксиомы «Бог создал мир как текст». Кто должен читать этот текст, о чем он, каким образом читается и имеет ли конкретный смысл? И в конце концов ошарашенный читатель оказывается перед выводом: человек прочитывает констатации относительно самого себя и по мере чтения умирает. Последний знак соответствует последнему удару сердца.

ТОТАЛЬНОГО текста

НИКОЛАЙ БАЙТОВ

ПРОШЛОЕ В УМОЗРЕНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

Зверевский Центр современного искусства издал книгу Николая Байтова «Прошлое в умозрениях и документах», что лично меня обрадовало необычайно. Потому что Байтов — писатель особый. В нем (и прежде всего, конечно, в его произведениях) есть тайна. Не в банально-романтическом смысле, а в самом что ни на есть бытийном. Его называют «русским Борхесом», что верно лишь отчасти, поскольку как мыслящий человек он не согласен идти по проторенной, хоть и на другом материке, дорожке.

Однако начало книги, предложенное хитромудрым Байтовым, довольно человечно по отношению к читателю, которого

он не хочет сразу же спугнуть чрезмерной концентрацией таинственного. Дальше стоят еще более крутые тексты. В «Заметках к жизнеописанию моего деда» в чрезвычайно скрупулезном тексте, таком понятном вначале, вдруг начинают накапливаться противоречия, вдруг прежде описанная история рассказывается по-иному. Текст начинает плутать, заворачивать на уже пройденные дорожки и проходить их по-новому. В конце концов начинаешь понимать, что Байтов на примере семейной хроники моделирует процесс написания летописи, учебника истории, а то и Ветхого Завета.

Сюжеты и действующие лица байтовских перформансов зачастую связаны с окружающим пространством-временем не корнями, а какими-то эфемерными паутинками. К какому Ивану Иванычу устремляются персонажи, почему они боятся Петра Сергеевича, о чем они спорят друг с другом:

— А почему ж тогда он идеальный?

— Потому что он идеально вписывается в окружающие условия: овраги там, реки, пустыни...

— Но условия — конкретные?

— Да, конкретные, но они — любые.

— Значит, это идеальный конформизм? Не согласен! Напротив, я понимаю так, что он должен быть идеально независим от любых условий...

Да и вообще, кто эти люди?! Писатель ответа не дает. Писатель уже убежал вперед. Он уже разрешает проблему спасения души, с которой они могут сотворить все, что угодно, когда спишь.

Для решения своих грандиозных задач автору необходим определенный временной маневр. Поэтому его проза свободно перемещается в промежутке в несколько веков. Иначе истину, которую пытается уловить Байтов, за хвост не схватишь. А вообще-то для него интересен не результат, а сам процесс. Ибо процесс — это жизнь, а результат — смерть.

Бер. Москва. — 1998. — 30 июня. — с. 7.